

13. *Эйдельман Н.* Последний летописец. – М., 2004.

14. *Эйдельман Н.* Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. – М., 1984.

С.А. Васильев

Москва, Московский гуманитарный педагогический институт

Образное переосмысление «Памятника» Г.Р. Державина в поэзии Ю.И. Минералова

Ю.И.Минералов, современный глубочайший знаток и исследователь русской классической литературы¹, особое внимание уделявший в своих работах XVIII в.², Г.Р.Державину³, образно переосмыслял поэзию и стиль этого крупнейшего писателя и в своей творческой литературной деятельности. Его художественная книга «Река времен» прямо строится как масштабная вариация знаменитой последней оды Державина «Река времен в своем стремленьи...», целого ряда других характернейших его произведений – «Бог», «Водопад», «Фелица» и др.

Несомненно, «программной» и этапной для творчества Минералова стала его вариация одной из вечных литературных тем – темы поэтического бессмертия, «памятника», в русской культуре во весь голос зазвучавшей в творчестве Г.Р.Державина:

EXEGI & NON EXEGI MONUMENTUM
(Державин)

Не памятник – сосна поутру рано.
Зима в России вечно с колдовством:
на хвойной ветке – яблоко румяно.
(Не яблоко, снегирь кровь с молоком!)

Воздвиг ли, не воздвиг – увидят позже.
Но злые ненавидят здесь и там.

¹ См. почти полную линейку его учебников по истории русской литературы XVIII – XX вв., выходявших в издательствах «Владос», «Высшая школа», «Студент».

² Минералов Ю.И. Лекции по русской словесности XVIII века // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 1999. Вып.2; 2000. Вып.3. Он же. История русской литературы XVIII. М., 2011 (и предыдущие издания) и др.

³ Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. М., 1999.

Иди, как перст указывает Божий.
А слух пускай петляет по пятам.

Их ненавистью славен ты, пророче!
До сердцевины ты уже проник,
что за ветра на Русь наносят порчу,
и что плетет всяк чуждый в ней язык.

Да, ты дерзнул в премерзкую годину
Отечество невыгодно любить.
Ты выбрал острый край, не середину.
Ты выбрал делать, а не говорить.

А православно слово – тоже дело:
На зов твой не безмолвствует народ.
Бродите ж, слава и пиит, отдельно!
Мороз гудет, с сосны снегирь поет!..¹

Парадоксален и даже антиномичен уже заголовок стихотворения. С одной стороны, он отсылает к первоисточнику, оде Горация «Ad Mel-роменет» и ее началу – «Exegi monumentum...». С другой, видимо, впервые за без малого 300-летнюю историю переложения этого текста на русский язык (начиная со стихотворения М.В.Ломоносова «Я знак бессмертия себе воздвигнул» 1747 г.) содержит момент сомнения в исходном утверждении и его значимости – «Exegi & non exegi monumentum», т.е. «Воздвиг и (или) не воздвиг памятник». Парадокс юмористически продолжен в озадачивающей первой строке, содержащей образ загородной природы, зимнего хвойного леса – по-видимому, любимой Ю.И.Минераловым Мещёры: «Не памятник – сосна поутру рано».

Не забота о славе занимает мысли лирического героя: «Воздвиг ли, не воздвиг – увидят позже»; отсюда и исходный тезис заголовка. Это направление поэтической мысли восходит именно к Г.Р.Державину. Вот почему <<Памятник>> Ю.И.Минералова строится прежде всего как парафразирование поэзии Г.Р.Державина (на это сразу ориентирует и подзаголовок), самого внутренне близкого поэту автора, – как бы поверх А.С.Пушкина, К.Н.Батюшкова, А.А.Фета, В.Я.Брюсова и ряда других русских писателей, обращавшихся к этой теме позже, хотя и к некоторым из них отсылки в стихотворении также присутствуют.

¹ Минералов Ю.И. Река времен. – М., 2008. – С. 194.

Наиболее развернуто тема поэтического бессмертия, смысла и содержания славы воплощена Г.Р.Державиным в стихотворении «Мой истукан», написанном с связи с тем, что скульптор Ж.Д.Рашет изваял гипсовый бюст («истукан») поэта. По лирическому сюжету произведения Державин, размышляя, неоднократно предлагает Рашету разбить его «образ... скудельной» (скудель – глина), опираясь на вполне конкретную мотивировку – недопущения себя до смертного греха тщеславия:

Разбей же, мой второй создатель,
Разбей мой истукан, Рашет! <...>

<...> все знаки чести,
Дозволены самим себе,
Плоды тщеславия и лести <...>¹

В конечном счете, лирический герой как бы смиряется с существованием его «истукана». С одной стороны, он показывает свое, пусть и по-человечески не вполне совершенное, но, несомненно, самое искреннее и энергичное, служение добродетели, а с другой – оставляет возможность сокрушить его «кумир» тому, кто в этом служении добродетели его превзойдет:

Пусть тот, кто с большим дарованьем
Мог добродетель прославлять,
С усерднейшим, чем я, стараньем
Желать добра и исполнять,
Пусть тот немедля и решится:
И мой кумир им сокрушится.²

Им движут прежде всего патриотические устремления, выходящие фактически в сферу поэтической молитвы:

Я рад отечества блаженству:
Дай больше, *небо*, таковых,
Российской силы к совершенству,
Сынов ей верных и прямых!
<...>
Тогда, каменосечец хитрый!
Кумиры твоего резца

¹ Державин Г.Р. Стихотворения. – СПб, 2004. – С. 203, 204.

² Державин Г.Р. Стихотворения. – СПб., 2004. – С. 206.

Живой струей испускают искры
И в внучатах возжгут сердца.¹

Лирический герой стихотворения «EXEGI & NON EXEGI MONUMENTUM», да и сама творческая индивидуальность и личность Ю.И.Минералова – живой, искренний и деятельный ответ на державинские ожидания для Отечества «Сынов <...> верных и прямых» («<...> дерзнул <...> Отечество <...> любить»). Несомненно, он один из пророчески увиденных Г.Р.Державиным «внучатов» с возженными сердцами.

Однако книга «Река времен» и разбираемое стихотворение – плод совсем иной по сравнению с Державинской эпохи. Великий русский поэт говорил о себе: «горяч и в правде черт». Его огромная работа как художника слова и крупного государственного деятеля (статс-секретарь императрицы, дважды губернатор, президент коммерц-коллегии, сенатор и др.) пришлась на эпоху подъема и славы России второй половины XVIII – начала XIX в. Иное, разрушительное, время досталось Ю.И.Минералову, отсюда и любопытный парафразис державинских строк. Державин: «<...> первый **я дерзнул** в забавном русском слоге / *О добродетелях* Фелицы *возгласить*»². Минералов: «Да, **ты дерзнул** в премерзкую годину / *Отечество невыгодно любить*». Любовь к Родине, норма в Державинскую эпоху, ныне («в премерзкую годину»), по точному образу Ю.И.Минералова, – удел смельчаков и тяжкий крест («*невыгодно любить*»).

С этим связана и миссия поэта – обличение, сатира, отображение духовной «невидимой брани». В особенности это касается такой непростой темы, да еще для человека творческого, как *слава*, – стержневой темы традиции литературного «памятника». И в этом смысле ориентир для лирического героя, кроме творчества Державина, наиболее ярко воплотившего художественно-нравственный к ней подход, – святоотеческое наследие и, в частности, без сомнения, значимая для Ю.И.Минералова³ книга старца преп. Никодима Святогорца (1749–1809) «Невидимая брань», создававшаяся, кстати, в конце XVIII – начале XIX в. в то самое время, когда жил Г.Р.Державин (1743–1816). Именно против *тщеславия* активно предостерегает афонский монах и духовный писатель: «<...> враг не дремлет. Ко всякому делу он подстревает и хлопочет, нельзя ли как-нибудь помутить течение дел наших и вместо должных навести или сбить на дела не-

¹ Державин Г.Р. Стихотворения. – СПб. – С. 206.

² Там же. – С. 233.

³ Минералов Ю.И. Православие и литературное творчество // Методические рекомендации для студентов 2 курса заочного отделения Литературного института им. А.М. Горького. – М., 2010.

должные: то бросается помешать самому начинанию их, то, если в этом не успевает, хлопочет сделать исполнение их и совершение никуда негодными; когда же и в этом посрамляется, то злоухитряется отнять всякую у них пред Богом цену, возмутив *тщеславие и самомнение*»¹. Ассоциативно с этими приведенными мыслями и аналогичными им связаны нюансы художественной разработки темы славы и поэтического бессмертия в стихотворении Ю.И.Минералова: «Бродите ж, слава и пиит, *отдельно!*»

Характерен и следующий разворот. Согласно апостолу Павлу, «Наша брань не против крови и плоти, но против <...> *духов злобы поднебесных*» (Еф. 6: 12). Видимо, с этим связана следующая строка разбираемого стихотворения: «Но *злые ненавидят* здесь и там».

Критерий «успеха» «невидимой брани», как уже понятно, не земной успех и не слава в обычном понимании, известность, а точность исполнения Божиего призыва: «Иди, как перст указывает Божий!» А истинная слава, согласно точному и парадоксальному образу Ю.И.Минералова, – в ненависти врагов Божиих: «*Их ненавистью славен ты, пророче!*» Обращение к alter ego лирического героя (один из любопытных приемов ухода от лирического я в разработке данной темы, вольно или невольно провоцирующего мысли об авторском тщеславии) «пророче» имеет по преимуществу светскую основу. Это парафразирование начала стихотворения Ф.Прокоповича «Творцу сатиры “К уму своему”», адресованное А.Д.Кантемиру: «Не знаю, кто ты, *пророче рогатый*, / Знаю, коликой *достойн ты славы*»².

Любопытному переосмыслению подвергается и образ из стихотворения А.С.Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (в рабочем разговоре – «Памятник», хотя заголовка, в отличие от державинского текста, он вообще не имеет): «И назовет меня *всяк чуждый в ней язык*». Стихотворение Пушкина изображает проникновение его художественного слова ко всем, даже на момент написания произведения далеким от цивилизации и русской культуры народам, «*язЫкам*», населявшим Российскую империю. Ю.И.Минералов, сохраняя узнаваемость исходного пушкинского образа, создает совершенно иную внутреннюю форму и связанные с ней содержательные планы: «что плетет *всяк чуждый в ней язык*». Образ поэта публицистически заострен. Если у Пушкина речь шла о благотворном влиянии на народы русского слова, выразителем которого стало его творчество, то Минералов указывает на чуждые тысячелетней России – Руси «ветра», разрушительные культурно-идеологические влия-

¹ Никодим Святогорец преп. Невидимая брань. – М., 2010. – С. 223.

² Хрестоматия по русской литературе XVIII века / Сост. А.В.Кокорев. – М., 1965.

ния, которые, распространяясь, «наносит порчу злую» на любимое Отечество. Слово «язык» в данном случае означает не столько «народ», как у Пушкина, а – «самая речь»¹, хотя и предыдущее значение в данном контексте тоже, несомненно, сохраняется. Буквальный смысл приобретает и слово «чуждый», означающий не «далекий, непричастный, сторонний»², как у Пушкина, а «иностранный» и даже прямо – «враждебный». Традиционный речевой образ «чуждый язык», тем самым, принципиально меняет свою внутреннюю форму, становится многозначным.

Главное для поэта, согласно стихотворению «EXEGI & NON EXEGI MONUMENTUM» и не только ему, – служение словом, причем православным: «А православно слово – тоже дело: / на зов твой не безмолвствует народ». Именно так – «Писатель: *сила слова*» – именуется авторский сайт Ю.И.Минералова; «Сила слова» также – название его специальной работы по затронутой тематике. Приведенные строки – очередной этап диалога поэта с мировой культурной традицией и формулировка собственной нравственной и творческой позиции. Здесь и ответ Фаусту, согласно образу И.-В.Гете, поставившему под сомнение начало Евангелия от Иоанна – «В начале было слово» (Ин. 1: 1) и предложившему вместо «слово» читать «дело». И переосмысление финальной строки пушкинского «Бориса Годунова»: «Народ безмолвствует». С этой строкой, кстати, отсутствовавшей в черновых редакциях, напрямую связана развязка знаменитой трагедии и художественное понимание путей развития русской истории.

Стихотворение начинается и заканчивается компактными образными картинками русской зимней природы, в центре которых – снегирь, в первой строфе изображенный сначала метафорически («яблоко румяно»), а затем и прямо названный, а в последней строфе – поющий и торжествующий («с сосны снегирь поет!»). Такой образный и композиционный прием – очевидное переосмысление написанной на смерть А.В.Суворова оды Г.Р.Державина «Снигирь», по справедливому мнению Ю.И.Минералова, одного из лучших произведений русской поэзии. Диалог с великим предшественником ведется вновь очень оригинально и творчески энергично. Державин в связи с траурной темой обращает к находящемуся в клетке и продолжающему по привычке петь «Снигирию» риторический вопрос: «Что ты заводишь песню военну / Флейте подобно, милый Снигирь?»³

¹ Дьяченко Г. Полный словарь церковнославянского языка. – М., 1993. – С. 849.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. – М., 1994. – С. 1873.

³ Державин Г.Р. Стихотворения. – С. 283.

Минералов в новом художественном контексте торжествующим пением снегиря на свободе любуется. Снегирь – зимняя птица. Однако в стихотворении Минералова с ним ассоциируются также мотивы весны и лета, т.е. обновления и преображения природы, а с ней и человека. Отмеченная метафора «яблоко румяно», ассоциирующаяся с летом, возможно, с Преображением Господним, когда принято освящать яблоки в храме, соотносится с любопытной находкой финальной строки – «Мороз гудет» (ударное *о* четко мотивируется финальным поет). Несмотря на «зимнюю» тематику, образ, через аллюзию с некрасовским «Зеленым шумом» («Идет-гудет зеленый шум») вызывает ассоциации с весной, возможно, учитывая значимость религиозных мотив в произведении и имплицитно предполагаемую *красную* грудку снегиря, с Пасхой, Светлым Христовым Воскресением.

А.А.Кирпичникова

Казань, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Проблема предклассицизма в русской литературе: концепции Г.Н.Моисеевой, А.А.Смирнова, В.И.Федорова

Проблема предклассицизма по праву может считаться одной из самых сложных и интересных проблем отечественного литературоведения. Достаточно часто на рубеже XVII–XVIII вв. черты угасающего барокко переплетаются с особенностями развивающегося классицизма, и многие исследователи говорят об особой художественно-эстетической системе предклассицизма.

Одним из первых термин «предклассицизм» использовал известный литературовед П.Н.Берков в 1958 г. на IV Международном съезде славистов: «То, в чем предлагают видеть «русское барокко», правильнее понимать как переход ... к классицизму XVIII века, вместо неопределенного по своему содержанию термина «барокко» проще назвать это явление «предклассицизмом» [Сборник ответов 1958: 84].

Среди исследователей второй половины XX в., развивавших теорию предклассицизма, – А.А.Смирнов, Г.Н.Моисеева, В.И.Федоров, О.М.Буранок.

В первую очередь необходимо понять, как же относились к барокко советские ученые-приверженцы теории предклассицизма. Здесь следует выделить две точки зрения: одни ученые утверждали идею о сосу-